

К.С. Тертуллиан

**Творения Тертуллиана,
христианского писателя (в 4
частях)**

Часть 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

K11   **К.С. Тертуллиан**
Творения Тертуллиана, христианского писателя (в 4 частях): Часть 4 / К.С. Тертуллиан – М.: Книга по Требованию, 2021. – 244 с.

ISBN 978-5-458-43442-3

Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан родился в Карфагене около 160 года в семье сотника. Получил юридическое и риторическое образование, выступал в Риме как судебный оратор. Около 195 года принял христианство и вернулся в Карфаген. Возможно, принял сан священника. Будучи сторонником ригоризма, позднее вошел в конфликт с Церковью, которую считал недостаточно строгой. На рубеже 2-го и 3-го веков отрекся от Церкви и уклонился в sectу монтанистов. Отметим, что во времена Тертуллиана идеи монтанистов еще не были отвергнуты Церковью. Вероятно, в конце жизни он отпал от монтанистов и основал собственную sectу. Последние произведения написаны около 220 года. Дата смерти неизвестна. Сочинения Тертуллиана важны для истории церкви и интересны в философском отношении. Сохранились сочинения Тертуллиана на латинском языке; греческие труды утрачены. Тертуллиан наиболее известен как апологет христианства. Знаменито его произведение Апология, или Защищение христиан против язычников. Многие видные христиане питали к Тертуллиану глубокое уважение, в том числе св. Киприан Карфагенский. Как богослов Тертуллиан представляет характерный пример западного католического писателя, занятого по преимуществу практическими вопросами в отличие от спекулятивного направления восточных христианских отцов. В толковании Писания Тертуллиан склоняется к буквальному пониманию текста. Согласно Тертуллиану сущность языческой религии - демонизм, т. е. отрицание веры в божественное начало. Всякая ересь есть новшество, которое не может быть обосновано апостольским учением. Противоположность веры и знания выражалась в знаменитой формуле Тертуллиана: credo quia absurdum est.

ISBN 978-5-458-43442-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«торыхъ каждый есть владыка въ своемъ государь-
«ствѣ?» — Кто такъ спрашиваетъ, тотъ не вѣдаетъ,
что съ Богомъ ничего и никого сравнивать нельзя.
Цари не только не выдержать тутъ сравненія, но дол-
жны исчезнуть, если сблизить ихъ съ Богомъ. Мно-
гіе цари могутъ царствовать въ одно время потому,
что никто изъ нихъ не верховное существо, и каждый
можетъ имѣть не только равнаго, но и высшаго себя.

Напротивъ того (гл. 5) Богъ, какъ верховное су-
щество, не терпить ни соперника ни товарища. Онъ
долженъ быть одній; а иначе, пріемъя двуихъ божовъ,
можно допустить и большее ихъ число. Тогда не бу-
детъ уже причины полагать имъ и границъ. Причи-
на, препятствующая умноженію божовъ, въ томъ толь-
ко и состоитъ, что Богъ, будучи верховнымъ сущес-
твомъ, не имѣеть Себѣ равнаго; и следовательно та-
кой Богъ, съ которымъ сравниваешь ты кого либо
другаго, не верховное существо. А иначе почему не
быть и множеству равныхъ Ему божовъ?

Относительно мечтаний *Маркіона* (гл. 26 и 27), ко-
торый лишаетъ Бога правосудія и строгости, и пре-
«доставляетъ Ему только кротость и благость, и при-
«томъ кротость и благость, никогда не истощающіяся,
«ничѣмъ не возмущаемыя, такъ что Онъ ни за что
«не гибѣвается, никого не наказываетъ, не судить, не
«осуждаетъ:» относительно, говорю, сихъ мечтаний мож-
но бы было только спросить *Маркіона*, какимъ об-
разомъ этотъ мнимый Богъ въ состояніи удерживать
все въ порядкѣ и обуздывать зло? Вотще будетъ Онъ
издавать законы, когда никто ихъ не хранить; вот-
ще станетъ запрещать творить преступленія, когда
тотъ, кто ихъ дѣлаетъ, остается безъ наказанія. Да
и почему лучше совсѣмъ ихъ не дозволить? По край-
ней мѣрѣ тогда не бросалось бы въ глаза столь яв-

ное проговорѣчіе. Не наказывать преступленія, значитъ безгласно его дозволять. — «Онъ одинакожъ его запрещаетъ.» — Стало быть запрещаетъ Онъ то, чего бы не хотѣть видѣть. Но можетъ ли Онъ видѣть то, чего не хочетъ, не огорчившись тѣмъ? Огорчиться тѣмъ, не прогибавшись на то? Прогибаться на то, не оказать за то мщенія? Мщеніе есть плодъ гибви, гибвъ чадо огорченія, огорченіе источникъ презрѣнной воли. Въ противномъ случаѣ благость Его была бы слабость, Его любовь къ порядку мечта, законы безъ силы, преступленіе вѣдь опасности. Вы говорите, что Богъ вашъ не мстить. Стало быть Онъ не гибвается, не огорчается, когда люди дѣйствуютъ противъ Его воли? Злодѣяніе совершаются, не причиняя оскорблениія волѣ Его: стало быть оно не противъ Его воли?

«Но Богъ, говорите вы, не судить: производить «судъ не прилично Его величию.» — Вы ошибаетесь. Ничто такъ не можетъ неприлично быть величию Его, какъ предоставлять повелѣнія свои явному небреженію, и несоблюденію. Онъ обязанъ поддерживать Свою властъ, заставлять Себѣ повиноваться, обязацъ ненавидѣть зло: Ему неприлично не то, чтобы наказывать зло, но чтобы поощрять его посредствомъ ненаказанности. Вы сами себѣ грубо противорѣчите. Богъ, не желая зла, по собственному уже мнѣнію вашему, его судить и запрещаетъ, запрещая осуждать, осуждалъ долженъ по необходимости его наказывать. — «Онъ, говорите вы, его запрещаетъ и осуждаетъ; но «вмѣстѣ съ тѣмъ и допускаетъ его по кротости и «безстрѣстию.» Стало быть Онъ разрѣшаетъ его, оставляя безъ наказанія.

Можно утвердительно сказать, что Богъ не совершилъ благъ, если не ненавидѣть зла. По самой

любви Своей къ добру, Онъ долженъ чувствовать къ злу омерзѣніе. Онъ охраняетъ добродѣтель не иначе, какъ истребляя порокъ. Напротивъ того благость, приписываемая вами Богу, есть благость такъ сказать поганая, несправедливая, неразсудительная, мечтательная, которая могла бы имѣть весьма пагубныя послѣдствія, если бы дѣйствительно существовала.

Внимайте, грѣшики! Пусть будетъ Богъ вашъ такимъ, какимъ вамъ угодно Его имѣть, отъ которого можно вамъ не страшиться ни ада, ни казней, ни то- чащаго червя, ни пожирающаго пламени. Онъ запрещаетъ беспорядокъ, но только одними словами: Онъ не болѣе, какъ только благъ, Онъ хочетъ быть только любимымъ, никогда не вселяетъ страха. Хотя Онъ и Отецъ и Господь; но не предоставляетъ Себѣ никакого надъ вами права: отъ васъ зависить повиноваться Ему или не повиноваться.—О чѣмъ же тутъ думать, когда иѣть причины бояться правосудія Его? За чѣмъ вамъ не удовлетворять себя во всемъ, не давать свободнаго къ себѣ доступа всѣмъ вашимъ склонностямъ, всѣмъ страстямъ вашимъ? За чѣмъ, когда язычники принуждаютъ васъ принести жертву идоламъ, не приступить вамъ тотчасъ къ жертвоприношенню? — «Сохрани Богъ, отвѣчаете вы.»—Стало быть вы боитесь грѣшить, сами признаете Бога, котораго боитесь, Бога, который запрещаетъ грѣхъ и мстить за него.

Долгъ и польза человѣка (ки. 2. гл. 2) состоять въ томъ, чтобы обожать Бога, но не судить Его; заслуживать Его любовь, боясь Его строгости, но не изгнавъ гвереній Его. Нѣть людей дерзновеніе и безумиѣе, какъ надмѣнныя суды, осмѣливающіеся говорить, что Богъ не такъ долженъ бы быть поступать, а иначе, какъ будто бы могъ человѣкъ

предвидѣть намѣренія Божіи, которыя извѣстны одното только Богу.

Исаія по духу пророчества давно предвидѣлъ подобныхъ судей, и, чтобы привести ихъ въ замѣшательство, восклицаетъ: «кто уразумѣтъ учѣніе Господень, и кто совѣтникъ Ему бысть (Ис. XL. 13)?» Апостолъ также говоритъ: «о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и не изслѣдовани путь Его (Римл. XI. 33).»

Людямъ-ли считать себя проницательнѣе и справедливѣе Бога? Какъ мудрость человѣческая есть безуміе предъ Богомъ, такъ мудрость Божія кажется людямъ безуміемъ. Но мы вѣдаемъ, что безуміе Божіе несравненно мудрѣе мудрости человѣческой, и что слабость Божія несравненно сильнѣе силы человѣческой. Богъ никогда не бываетъ такъ великъ и такъ благъ, какъ когда кажется людямъ умаленнымъ. Этотъ-то духъ міра и эта-то минимая и слѣпая мудрость въ отношеніи къ дѣламъ Божіимъ, вселяетъ въ людей дерзость изслѣдовать и порицать дѣла Божія. Будучи дѣтьми Адама, мы наслѣдовали отъ него тотъ духъ гордости и непокорства, который заставилъ его осудить и нарушить запрещеніе, данное ему отъ его Создателя и Благодѣтеля. Но мы далеко его превзошли въ семъ случаѣ. Адамъ не умѣлъ порочить твореній Божіихъ, не умѣлъ богохульствовать. Онъ сознался, что былъ соблазненъ, и тотчасъ объявилъ свою соблазнительницу. Онъ не говорилъ Богу подобно своимъ потомкамъ: «Ты сотворилъ меня не премудро.» Адамъ былъ только ученикъ-новичекъ въ безбожіи.

«Если Богъ благъ, говоритъ Маркіонъ (гл. 5 и 6), «если вѣдаешь будущее, если Онъ всемогущъ: то какъ «могло произойти, что человѣкъ, сотворенный по об-

«разу и подобию Его, былъ соблазнъ діаволомъ и «заслужилъ смерть, нарушивъ законъ Его? Если Онъ «благъ, то долженъ-бы былъ желать, чтобы того не «случилось; если Онъ вѣдастъ будущее, то могъ бы «предвидѣть, что случится; если Онъ всемогущъ, то «могъ бы тому воспрепятствовать. А какъ грѣхъ со-«вершился: то надобно полагать, что въ Богѣ не «доставало или благости, или предвѣдѣнія, или мо-«гущества.»

Я извлеку доводъ мой изъ самыхъ творений Божиихъ, отвѣтствуетъ *Тертулліанъ*: это лучшій изъ всѣхъ возможныхъ доводовъ. Какъ творенія Божія составляютъ вселенную, обилующую благами и исполненную чудесъ: то эта вселенная, будучи произведена изъ ничего, неоспоримо доказываетъ могущество Создателя, благость Его и самое Его предвѣдѣніе, у котораго столько-же порукъ, сколько есть Пророковъ. Созиная и устрояя различныя части вселеній, Богъ колечко предвидѣлъ послѣдствія, произойти имѣющія, и Онъ не могъ иначе приступить къ дѣлу, какъ искъ предвидя. Онъ безъ всякаго сомнѣнія предвидѣлъ ослушаніе прадигелей патриархъ, потому что восхотѣлъ поставить тому какъ-бы преградою страхъ смерти. Такимъ образомъ, ии въ какомъ случаѣ нельзя приписать грѣха какому-либо недостатку совершенствъ Божиихъ. Слѣдовательно причину грѣха надлежитъ искать въ естествѣ и составѣ человѣка.

Богъ сотворилъ человѣка по подобію Своему, и это подобіе проявляется наиболѣе въ томъ, что человѣкъ создаетъ свободнымъ и властелиномъ своей воли. Данное Богомъ первому человѣку запрещеніе и угроза смерти, въ случаѣ неповиновенія, доказываютъ, что человѣкъ воленъ быть повиноваться или ослушаться.

Законы, въ послѣдствіи изданные Господомъ, изволеніе Его предложить человѣку добро и зло, жизнь и смерть, Его увѣщаія, равно какъ и угрозы: все это явно свидѣтельствуетъ, что человѣкъ рожденъ со свободою исполнить законъ, или нарушить его. Стало быть зло приписать должно свободной волѣ человѣка.

«Но, возражаютъ *Маркіониты* (гл. 7 и 8): какъ «скоро даръ свободной воли долженствовалъ быть «столь пагубенъ для человѣка: то Богу не следовало «бы давать его.»—Я напротивъ того утверждаю, что этотъ то даръ и есть дѣйствіе премудрости и благости Божіей. Богъ долженствовалъ быть познанъ. Надлежало, чтобы существовали такія творенія, которыя бы были способны и достойны познать Его. Кто-же того достойнѣе, какъ не существо, сотворенное Самимъ Богомъ по Его образу и подобію? Какъ Богъ свободенъ, такъ и образъ Его долженствовалъ быть свободнымъ; но такъ какъ образъ не можетъ сравниться съ совершенствомъ Божественнаго своего Оригинала, и есть не иное что, какъ вдуновеніе Божіе, а не сущность Его: то онъ по необходимости долженъ былъ имѣть въ чемъ либо недостатокъ; онъ способенъ былъ употребить во зло свою свободу, словомъ сказать, онъ былъ не безгрѣщенъ потому что не былъ Богъ. Человѣкъ, сотворенный для того, чтобы быть властелиномъ вселенной, долженствовалъ быть прежде всего властелиномъ самаго себя. Одинъ Богъ благъ по естеству: по естеству и по сущности Своей Онъ есть то, что есть. Напротивъ того человѣкъ, не имѣеть въ себѣ ничего, чего бы не получилъ. Онъ добръ, или благъ потому только, что Создатель его, Вишовникъ всякаго блага, сотворилъ его такимъ. Чтобы доброта, или благость, сдѣлалась его

собственность, чтобы обратилась она ему какъ бы въ природу, и чтобы онъ заслужилъ ее въ полной мѣрѣ, надлежало самому ему, по собственной своей волѣ, избрать добро и отвергнуть зло. Безъ этой свободы, будучи слабъ противу зла, и увлекаясь однімъ добромъ, онъ не быль бы ни добродѣтельнымъ ни преступнымъ, онъ быль бы только низкимъ рабомъ порока или добродѣтели, недостойнымъ ни награды ни наказанія: неодолимая нужда сдѣлала бы тутъ все, а воля ни въ чемъ бы не участвовала. Богъ преподаєтъ ему законы, Богъ его предувѣдомляєтъ, что судить не будетъ. Эти законы, этотъ судъ необходимо предполагаютъ въ человѣкѣ способность рѣшиться свободно на добро или зло, рѣшиться повиноваться закону, или ослушаться его; а иначе законы эти были бы нелѣпы, судъ этотъ быль бы несправедливъ.

Мы видѣли, что благость и премудрость Божія соединились между собою, чтобы сотворить человѣка свободнымъ: этого должно быть для насъ достаточно. Мы не должны соблазняться ни послѣдствіями, ни злоупотребленіями сей свободы, которая бываютъ иногда противны намѣреніямъ Божіимъ, и должны приписаны быть одному только человѣку. Благость Бога, котораго всѣ творенія неминуемо добры, не могла произвѣсть ничего злаго: человѣкъ долженъ во всемъ самъ себя винить и осуждать. Кто дѣлаетъ упреки въ чемъ - либо Создателю, тотъ видно разсуждалъ недостаточно о намѣреніяхъ Божіихъ и о естествѣ человѣка.

Изъ всего того, что здѣсь сказано, видно, что въ Богѣ все содержится; благость, премудрость, предвидѣніе и могущество. Богъ твердъ и неизмѣненъ въ Своихъ намѣреніяхъ. Даровавъ однажды человѣку свободную волю, Онъ долженъ быль предоставить

ему пользоваться ею. Ни Его предвѣдѣніе, которое могло предвидѣть злоупотребленіе, ни Его могущество, которое могло предупредить его, не существовало быть препятствіемъ сей волѣ; а иначе Онъ бы измѣнилъ и уничтожилъ твореніе Своей премудрости и благости.

Положимъ, что бы предвѣдѣніе и могущество Его воспрепятствовали злоупотребленію и слѣдовательно исполненію человѣческой воли, чтобы Онъ удалилъ *Адама* отъ пагубнаго древа, чтобы прогнать змѣя искуителя, когда онъ приступилъ къ Евѣ: какіе упреки за то имѣлъ бы ты право Ему сдѣлать? Ты упрекнуль бы Его въ слабости, измѣнчивости, непостоянствѣ, недостаткѣ предвѣдѣнія. Если Онъ даровалъ свободную волю: то зачѣмъ ей потомъ противиться? Если надлежало ей противиться: то зачѣмъ даровать ее? Человѣкъ одинъ виновецъ, преступивъ данный ему законъ. Законодавецъ не долженъ быть ни отмѣнять его, ни испровергать установленнаго имъ порядка.

Все, что могъ-бы ты сказать противъ Создателя, противъ Его непостоянства, противъ противленія Его Самому Себѣ,—обрати лучше въ защищеніе Его, въ ограду Его твердости, вѣрности и могущества, озаряемыхъ премудростю и благостью Его. Будучи недоволенъ тѣмъ, что даровалъ жизнь человѣку, Онъ повелѣлъ еще ему жить добродѣльно, сообразуясь съ Его закономъ. Будучи далекъ отъ того, чтобы сотворить его для смерти, Онъ его воззвалъ къ жизни: Онъ не хочетъ смерти грѣшника, но обращенія его. Онъ даровалъ человѣку жизнь, а человѣкъ причинилъ самъ себѣ смерть: это произошло ни по слабости, ни по невѣдѣнію его, и тутъ ни въ чёмъ нельзя винить Бога;—нельзя винить Его ни въ грѣхѣ по-

тому, что Богъ его запретилъ, осудилъ, наказалъ и изгладилъ, и человѣкъ оказался одинъ преступнымъ въ злоупотреблениіи своей свободы; ни въ смерти, потому что Богъ угрожалъ ему ею для того, чтобы онъ предохранилъ себя отъ нея, и человѣкъ заслужилъ ее добровольнымъ своимъ послушаніемъ. Никогда Богъ не подвергъ бы человѣка игу закона, еслибы не далъ ему силы переносить его. Никогда не угрожалъ бы казнью ни какому преступнику, если бы преступленіе могло быть извинено. *Адамъ*, образъ и подобіе Божіе, не былъ ниже своего противника, возмущившаго и павшаго Ангела. Потому-то, обладая тою же самою свободою, которая заставила *Адама* согрѣшить, человѣкъ въ состояніи ежедневно торжествовать надъ врагомъ своего спасенія и исполнять Божественные законы. Какая слава для человѣка побѣдить своего побѣдителя!—«Но стало быть этотъ возмутившійся духъ-искуситель есть твореніе Божіе?»—Правда, что Богъ сотворилъ его, но сотворилъ сіяющимъ славою, облеченнымъ правдою и святостію. Онъ самъ развратился, самъ унизилъ себя преступнымъ злоупотребленіемъ своей свободы. Богъ сотворилъ его Ангеломъ: онъ содѣлалъ себя демономъ. Такимъ образомъ неоспоримо доказано, что всякое добро проходитъ отъ Создателя, а всякое зло отъ свободной твари, возмущающейся противъ Творца своего.

Маркіониты говорять (гл. XI): «до паденія че-ловѣка, Богъ показывалъ Себя только благимъ; по-томъ явилъ Себя строгимъ и даже жестокимъ су-дію. Тогда жена осуждена была родить въ болѣзняхъ и быть во власти мужа, жена, которая прежде дана была ему вместо подруги, и которая слышала съ радостію, какъ Творецъ благословилъ ихъ обоихъ, сказавъ имъ: «распитеся и множитесь.» Земля

«была проклята, бывъ прежде благословена; она «наполняется терпиемъ и волчами, производя преж- «де однѣ только полезныя растѣнія и пріятные «плоды. Человѣкъ принужденнымъ нашелся Ѵсть хлѣбъ «къ потѣ лица своего, а прежде пользовался всѣми «плодами райскаго вѣтограда. Человѣкъ осужденъ «обратиться въ землю, изъ которой взятъ, и подвер- «гнуться смерти, будучи предназначенъ жить вѣчно. «Онъ покрывается кожаною одеждой, а прежде хо- «дилъ нагой, и не примѣчалъ того. Словомъ сказать, «благость Божія предшествовала, происходя изъ Его «сущности. За тѣмъ послѣдовала строгость.»

Ты можешь, сколько хочешь, оспоривать въ Богѣ качество судіи, выдумавъ себѣ такого Бога, въ которомъ нѣть ничего кромѣ кротости и благости. Но этотъ призракъ Бога есть существо слабое, превратное и ничтожное, которое издастъ законы и устано- вляетъ порядокъ, будучи не въ состояніи ни ихъ под- держать, ни отмстить за нарушеніе ихъ, потому что онъ не судья. Ты дерзаешь порочить Бога, какъ су- дія; стало быть ты долженъ боготворить неправду, которая становится благомъ, какъ скоро правда есть зло. Но когда ты принужденъ сознаться, что неправ- да есть зло, и зло весьма великое: то долженъ при- звать и то, что правда есть весьма великое благо. Противоположныя качества необходимо приличеству- ютъ порокамъ и добродѣтелямъ, совершиенно против- нымъ между собою.

Правда не только весьма достохвальна, и слѣдователь- но есть родъ благости; но служитъ оградою и свѣтиль- никомъ для благости. Благость перестаетъ быть благо- стью, когда правда перестаетъ ее сопровождать и ею ру- ководствоватъ. Ничто несправедливое не можетъ быть